

УДК 008

Креативный потенциал человека и фильтры культуры как факторы инновационного развития общества (теоретико-методологический аспект)

Кургузов Владимир Лукич

Доктор культурологии, профессор,
зав. кафедрой культурологии и социо-культурной антропологии,
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления,
670013, Российская Федерация, Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Ключевская, 40 в;
e-mail: kurguzovvl@rambler.ru

Аннотация

В статье осуществлен теоретический анализ категории креативного потенциала человека и важнейшей роли фильтров культуры в процессе инновационного развития современного российского общества.

Разработка определения креативного потенциала расценивается как весьма сложная методологическая задача, решить которую возможно только средствами компаративного анализа этой категории с категориями «человеческого», «культурного потенциала», «потенциала культуры», дихотомии «традиции» и «инновации».

Ключевые слова

Человек, культура, традиция, инновация, фактор, потенциал, фильтры культуры.

Введение

*Творец должен быть мудрым,
но мудр тот,
кто знает нужное, а не многое.
Эсхил*

В настоящее время едва ли какой-нибудь серьезный аналитик возьмется определить окончательно избранный общий, результирующий вектор тех инновационных изменений, которые происходят в России.

Множество самых разнообразных политических партий и движений предлагают свои сценарии будущего России, свои ориентиры. Вместе с тем, ни одна из политических сил в стране (включая «державные» и даже националистические) открыто не выступает против тех статей Конституции, в которых говорится о статусе человека в обществе и государстве, о его правах и свободах. Вопрос лишь в том чтобы эти положения реально и последовательно претворялись в жизнь, наполнялись конкретным содержанием. И, в идеале, именно на это должна быть направлена деятельность властных структур, именно этим, по большому счету, должны определяться и основные стратегии в сфере национальной безопасности. Но это, в свою очередь предполагает разработку системы приоритетов, которые позволяли бы оценить человеческую, гуманитарную составляющую решений и действий органов власти.

В мировой и отечественной аналитике предложено немало понятий и концепций, имеющих целью сформировать такое интегральное представление о человеке, которое, с одной стороны, могло бы быть проработано аналитически, а значит, употребляться достаточно строго, и, с другой сторо-

ны, было бы операционализируемым. В этой связи можно, в частности, назвать концепции *«человеческих ресурсов»* и *«человеческого капитала»*, концепции *«уровня жизни»* и *«качества жизни»*. Нисколько не ставя под сомнения их содержательность и продуктивность, отметим лишь, что все они, в большей степени, рассматривают человека, как *потребителя*. Не лишним будет вспомнить и то, что введение в горбачевские времена в широкий научный и общественный оборот словосочетания *«человеческий фактор»*, несмотря на большое число исследований под этим флагом, так и не превратилось в сколько-нибудь определенное научное понятие, оставшись всего лишь лозунгом.

Позднее, усилиями академика И.Т. Фролова и других сотрудников Института человека РАН: И.И. Ашмарина, О.И. Генисаретского, В.Ж. Келле, Н.А. Носкова, Г.Л. Смоляна, Б.Г. Юдина было сделана попытка, обосновать некое интегральное по отношению к вышеназванным концепциям понятие — *«человеческий потенциал»*.¹ Но, жизнь и этого интеграла оказалась недолговечной из-за

1 Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода / Под ред. Фролова И.Т. — М.: Эдитория УРСС, 1999. — 176 с.

возникших методологических сложностей, ибо с его помощью оказалось невозможным с достаточной степенью корректности и полноты аналитически операционализировать феномен самого человека.

Все дело в том, что бесконечное многообразие условий и возможностей актуализации человеческого потенциала, на мой взгляд, делает не просто *затруднительной*, а может быть, и *преждевременной* разработку всего комплекса его характеристик и компонентов. Как это можно сделать, если мы до сих пор не можем ответить исчерпывающим образом на вопрос: «Что, или, кто есть человек?». Количество самых разнообразных трактовок этого понятия практически необозримо, и взять за основу какую-либо одну из них, отбросив все остальные и не понеся при этом существенных потерь невозможно. Как справедливо отмечал известный русский философ П.Л. Успенский: «Человек не знает самого себя. Он не знает своих пределов и собственных возможностей. Он не знает даже всей глубины своего незнания».² Одним словом, как отвечает на вопрос

о сущности человека даже вездесущая Библия: «Тайна сия есть» – и все...О каком «человеческом потенциале» в этих условиях может идти речь?

Гипотетически, конечно, *дедуктивный* подход к решению обозначенных выше проблем был бы более эффективным. Однако в нашем случае, выход только один – использовать метод *индукции* и идти от частного к общему. Поэтому, мне представляется, что на нынешнем этапе аналитической мысли более конструктивным было бы рассматривать отдельные аспекты индивидуальных и где-то даже специфических черт проявления человеческого потенциала. Одним из таких аспектов, безусловно, являются *креативный потенциал* человека, как органическая составная часть человеческого потенциала, реализуемый в одной из основных форм бытия человека – Культуре.

Терминологический дискурс

Сам по себе термин «потенциал», выбравшись из лона естественной аналитики, сегодня широко вошел в лексику общественных наук и публицистики. Чаще всего он характеризует явления политические и социальные, например, политический

2 Успенский П.Л. Психология возможностей эволюции человека // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. – М.: Политиздат, 1990. – С. 121.

потенциал партий и движений, культурный потенциал города или региона, образовательный потенциал высшей или средней школы и т.п. Читатель или слушатель всегда интуитивно чувствует, что имеется в виду, понимая смысл, спрятанный в слове «потенциал». Для обыденного сознания интуитивного представления вполне достаточно, чтобы почувствовать возможные благоприятные или негативные последствия. Однако этого мало, чтобы успешно прогнозировать наступление этих последствий и, тем более, управлять ситуацией.

Для решения научно-практических задач современного периода развития социума и культуры содержание, предлагаемое автором понятия – **«креативный потенциал»** должно быть четко зафиксировано, что позволит уточнить улавливаемый на интуитивном уровне его смысл и при необходимости избавиться от ситуативной и концептуальной зависимости. Однако при этом возникает весьма сложная методологическая задача разграничения понятий «креативного потенциала» с понятиями «творческого потенциала», «культурного потенциала» и «потенциала культуры».

Если сравнивать две последние категории, то вторая – «потенциал

культуры» – гораздо шире, чем первая. Я бы определил его так: **потенциал культуры** – это потенциал *уже* сказанного и сделанного и *еще* не сказанного и не сделанного. Иными словами – это категория, характеризующая не только прошлое, но настоящее и будущее в глобальной перспективе. Поэтому этот феномен во многом прогностический, футурологический и, если хотите, – иррациональный, ибо ни один ученый даже с мировым именем, не сможет точно предугадать будущее человечества и его культуры, а, стало быть, и ее потенциала.

Что же касается **культурного потенциала**, то, оговорюсь сразу, что мне как раз и не удалось обнаружить в аналитической литературе, может быть, самого главного – определения этого феномена³. Авторская же рабочая версия этого определения состоит в том, что **культурный потенциал – это качественный индикатор человеческой популяции, лежащий в основе ее жизнедеятельности, ментальных, социальных возможностей достижения культурной зрелости в различных исторических условиях.**

3 Кургuzов В.Л. Культурный потенциал: проблема сущности и понятия // Культурный потенциал Байкальского региона. – Улан-Удэ, 2009.

Характерная деталь: культурный потенциал в большей мере нацелен на день сегодняшний. Он, более прагматичен и рационален. Потенциальные возможности необходимы нам, прежде всего «здесь и сейчас», они нужны нам для освоения действительности. С помощью культурного потенциала, например, мы сегодня «измеряем» эффективность всех структур сферы культуры – работу библиотек, домов культуры, театров, филармоний, издательств, научных центров и т.д.

Ахиллесова пята категории «культурного потенциала» – квалиметрия. Например, в физике, откуда, собственно говоря, и взято слово «**потенциал**», который соотносится с работой, которая *еще не выполнена*, но *может быть сделана*, можно измерить все в килограммах, километрах, атмосферах, вольтах, амперах и пр. Но чем измерять потенциал, например, нравственной культуры? Нельзя же утверждать, что культурный потенциал традиции уважения к старшим, укоренился в головах молодежи в каком-то селе на 85, 5 процента. Культурный потенциал влияния библиотек, исходя из их числа, наличия книжного фонда, как-то подсчитать еще можно. А вот культурный потенциал песни М. Блан-

тера «Катюша» или мировоззрения автора нашумевшего романа – вряд ли удастся. И, если мы метафорически назовем культурный потенциал «весами», то, что должно выступать в качестве «гирь» к этим «весам? Это еще одна проблема «работоспособности» категории культурного потенциала.

Более подробно следует остановиться на обосновании введения в научный оборот понятия креативного потенциала необходимо еще и потому, что, обосновать любое понятие, это, значит, определить отличия одного исследуемого объекта, от другого, в данном случае – отличия понятий «**культурного потенциала**» от «**креативного**».

На первый взгляд, принципиальных отличий этих потенциалов, вроде бы и совсем нет, если учесть, что культура есть нечто иное, как продукт функции головного мозга под названием – **воображение**, проектирование и созидание артефактов. С известной натяжкой можно было бы и аналогизировать эти понятия. Однако это только на первый взгляд. Специфика того и другого все же просматривается и весьма зримо. Прежде всего, базовым **основанием** культурного потенциала (как и культуры, которая является хранительницей культурного наследия)

является **традиция**. В рамках культуры человек вовсе и не обязан творить что-либо инновационное. Чаще всего он поступает традиционно, ибо то, что он «творит», тысячу раз выверено многовековым опытом культуры. И такое «нетворимое» творчество, тем не менее, должно учитываться понятием «культурный потенциал».

Чтобы читать или писать какой-нибудь текст, мне вовсе не обязательно «инновационно» придумывать новую кириллицу. Читать меня давно научили в школе. Зачем мне изобретать велосипед? Но, вряд ли кто найдет смелость отрицать очевидное: умение читать и писать – это **культурный** акт, как составная часть моего личного **культурного потенциала**. Если же я буду расписываться «крестиком», то это будет означать отсутствие одного потенциала. Сотни раз за день мы проявляем свой культурный потенциал, но делаем это стереотипно: открываем ключом входную дверь, пользуемся вилок и ложкой во время еды, слушаем радио. Творчества и созидания здесь нет никакого, поэтому и креативный потенциал в этих действиях отсутствует, но, зато, культурный потенциал обнаруживает себя во всей полноте. Как видим, разница в этих потенциалах все же есть.

Креативный потенциал всегда устремлен в будущее. Его «полковое знамя» – **инновация**. С опорой на традицию или без, но это всегда творение нового в процессе борьбы со старым, консервативным, отжившим. Дело это, чрезвычайно ответственное, ибо всегда есть искушение натворить такого, что может даже лишить нас возможности вернуться назад к спасительной традиции. К сожалению, примеров таких, когда «поезд ушел» – тьма. Кроме того, здесь тоже сохраняется проблема измерения уровня креативного потенциала, и в этом случае я не могу предложить ничего другого, как сослаться на ценности гуманитарной культуры, **ценности гуманизма**. «Взвешивать» креативные потенциальные возможности того или иного проекта, нужно, по моему глубокому убеждению, только **с помощью наличия в нем меры гуманного, меры человеколюбия**, меры, которая соответствует духу лозунга: «Не навреди!».

Таким образом, с учетом всего вышесказанного и, не претендуя на универсальность предлагаемой автором версии, под **креативным потенциалом** я понимаю **ценностную систему реальных возможностей качественных изменений человеческого и социального бытия, охватывающую собой всю атрибутику по-**

ятий «творчество», «созидание», «инновация».

Есть основание полагать, что ничего не будет плохого, если понятие «креативный потенциал» займет свое достойное место в современной культурологической лексике, ибо только в социо-культурном контексте оно сможет приобрести свойства реального индикатора социально-политического, социально-экономического и социально-культурного развития.

О факторе неопределенности в терминологии

Ничего не поделаешь, с тем, что характеристика креативного потенциала пока еще достаточно абстрактна, ибо она относится к не менее абстрактным категориям: креативности человека, населения, человечества в целом, иными словами обладает ореолом *неопределенности*. Однако эта неопределенность не является неприемлемым недостатком, напротив, она позволяет понятию обладать достаточной гибкостью, благодаря чему оно может входить в различные системы отсчета. При этом границы гибкости должны, безусловно, учитываться.

Эта «неопределенность» будет только усиливаться, если мы будем осо-

знанно стремиться осмыслить (во что бы то, не стало) креативный потенциал в максимальной обособленности от других феноменов культуры. В этом случае лучше прислушаться к глубоким методологическим пожеланиям Паскаля, который отмечал, что «то, что мы собираемся изучать изолированно, оказывается частью другого, потому что в природе одно не может существовать без связи с другим, и, знай, мы с точностью что-нибудь одно мы знали бы всю природу». При этом «малое, которое кажется нам доступным, постигнуть ничуть не легче, чем большое, потому что везде одна бесконечность. Там где мы устанавливаем *твердые определения* и принципы (выделено мной – В.К.) они оказываются упрощенными абстракциями и вещи своей сложностью и изменчивостью не подчиняются им».⁴

Вообще в методологии понятий, включающих в себя элементы неопределенности, уже давно сделаны решающие шаги. Идея «открытых» научных определений, которые всегда могут быть уточнены и дополнены, как известно, принадлежит А. Молю. В точных науках, в частности, в физике микромира, существует принцип до-

4 Кочергин А.Н., Рофанов В.П. Проблемы гуманитарного познания. Сборник статей. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 273-274.

полнительности Нильса Бора, согласно которому два научных определения могут относиться к одному и тому же предмету, оставаясь противоположными по смыслу и принципиально не сводимыми к какому-нибудь третьему определению. Характерно, что Нильс Борн распространял принцип дополнительности не только на естественные характеристики предмета, но и на эстетические оценки одного и того же предмета в различных до противоположности условиях восприятия.⁵ Мне представляется, что этот принцип всецело соотносим с понятием «креативный потенциал», ибо, сам по себе, этот феномен сложен своей многоуровневостью. Кроме того, это понятие междисциплинарно. Если изначально «потенциал» – компонент исследования естествознания, то характеристика «креативный» связывает его с гуманитарными науками.

С культурологической точки зрения уточнение любого понятия, введение его в систему конкретно-всеобщих понятий зависит от типологической структуры культуры конкретной эпохи, реального этапа развития ее духовности, стиля и других характеристик.

И это, вполне понятно, т.к. креативный потенциал характеризует не только конкретное креативное и в целом культурное *пространство*, но и *время* культуры, а креативный потенциал Киевской Руси существенно отличается от креативного потенциала «золотого века» отечественной культуры.

Следует подчеркнуть, что креативный потенциал в аксиологическом отношении – категория *нейтральная*. Кроме того, это понятие объемлет не только культурную, духовную или интеллектуальную сторону человеческого бытия, но и материально-экономическую, политическую, идеологическую, включая обороноспособность любого государства, государственную безопасность, образ жизни в целом. На мой взгляд, применение такого показателя представляет значительную научную ценность не только для России, но и для современного человечества в целом, поскольку характеризует его созидательный, творческий, инновационный облик, с точки зрения главного критерия Человека, условий его творческого развития.

О традициях и инновациях

Наметив общие контуры понимания сущности креативного по-

5 Борн Н. Атомная физика и человеческое познание. – М.: Издательство иностранной литературы, 1961. – 151 с.

тенциала, следует перейти далее к частным вопросам характеристики креативности в ее неразрывном сопряжении с *инновацией*, ибо она является прямым продуктом, плодом креативного потенциала.

Инноваций сегодня требуют, как от «работников пера», так и от «работников лопаты». Можно сказать, что вся Россия сегодня «беременна» поисками инноваций. Начать распутывать «секрет» такого повального интереса к инновациям, по-видимому, надо с самого главного – особенностей нашего *менталитета*, в простонародном выражении – *умонастроения*. Откуда же возьмется инновация без умонастроения? А умонастроение у нас бывает, мягко говоря, весьма странным.

Зададимся, например, вопросом: почему слово «*инновация*» у нас везде и всюду понимается только в позитивной коннотации? Иными словами, почему оно лишено диалектического смыслополагания? Ведь что такое перестройка, а затем «переперестройка» по отношению к советской системе ценностей? Рывок вперед, скажут многие, политическая инновация. Почему же тогда народ, метко назвал ее «катастройкой»?

Парадоксально, но факт: мы изъясняемся словами, слова наделя-

ем какими-то смыслами, а смыслы становятся нашими действиями, которые мы, по сегодняшней моде называем «инновационными». Да было бы это все только на бытовом уровне! К сожалению такими «смыслами», не подвергнутыми никаким интеллектуальным экспертизам, мы оперируем в государственных документах всех уровней власти, программах инновационного переустройства общества в речах властных витий.

Один ученый – инноватор, располагая не дюжим креативным потенциалом, вывел уникальную вакцину и спас тысячи людей от смертельной болезни. А, вот другой, не менее креативный ученый-инноватор изобрел водородную бомбу, с помощью которой можно одновременно убить сотни тысяч людей. А потом, когда был наделен всеми мыслимыми и немыслимыми наградами, почестями и славой, вдруг, прозрел, и до смерти мучился угрызениями совести. Лучше бы, конечно, он это делал до «того», чем после, но, к сожалению, чудес на свете не бывает.

Ведь как был репрезентирован еще один феномен инновации – рыночная экономика? Прежде всего, так, что рынок сам регулирует цены. Ну и что, отрегулировал? Состоятельный

бизнесмен почти по себестоимости перекупает у фермера на корню зеленый лук (и тот пойдет на это, не теряя же урожай) продает его в супермаркет в два раза дороже, а мы покупаем продукт уже минимум в три раза дороже. Вот и вся «регулировка»!

Креативный потенциал человека – это фактор, безусловно, духовный, однако от материальных возможностей, которые он сам же и создает – тоже зависит в немалой степени. Мысль это, заведомо, не инновационная. Она стара, как мир. Но ничего другого придумать тут невозможно. Да, и нужно, ли? Ибо, «инновационное», это нередко хорошо забытое и переосмысленное в новых условиях – «традиционное».

Если под **креативностью** понимать творчество и созидание, то культура – предстает перед нами как многовековой акт перманентного процесса креативности. Такова ее природа. Причем креативность в культуре занимает практически всю ее аксиологическую нишу: от созидания позитивного, через нейтральное и до крайне негативного. Креативность, как и сама культура, категория диалектичная. Творить и созидать можно, практически все – от швейной иглы, до грабительских программ платы за

услуги ЖКХ. Детерминантой креативности является то, что мир есть – вечная загадка. Это, пожалуй, единственная причина креативности человека. А, поскольку это так, то человек будет неустанно искать ее разгадку. Так мы устроены. Мы, к сожалению, не знаем целей природы. Однако нам дано «видеть дыры» в плотной ткани, составляющей вторую природу – культуру, и заполнять их тем, что по каким-то критериям согласуется с исходным положением, но при этом является принципиально новым, придуманным.

Однако «напридумывать» человек может многое, особенно в представлениях о культуре и обществе. Они, по меткому выражению Полани, как собака, которая по команде «ко мне», ползет к хозяину, после окрика «пошла отсюда» – убегает, а на приказ «ползи ко мне, уходя отсюда» исхитрится сделать и это. Другое дело, когда креативное придумывание, проектирование действительности сталкивается с реальностью. Вот здесь-то и возникают разные проблемы и вопросы. Каков статус этих «придумываний»? Претендуют ли они на онтологию бытия? А если нет – то, какие проблемы реальности они решают?

В поисках ответов на эти и другие вопросы трудно избежать анализа

проблем диалектики единства кажущихся несовместимостей – *традиции* и *инновации*, которые «реализуют себя в отчуждении и самореализации, ибо все кризисы – цивилизации, культуры, человека несут на себе эту двойственную природу и поэтому каждый из них в потенции и разрушителен, и созидателен одновременно». ⁶ Кризис современной культуры здесь – не является исключением.

Культуре известны всего два способа трансляции себя – во *времени* и *пространстве* вообще и в креативном пространстве, в частности – *традиционалистский* и *инновационный*. Смысл традиции – в поддержании паттерна (образца). Смысл инновации – в креативности, изменении образца, создании нового и легализации произошедших изменений. Отчего происходит *отчуждение* в культуре? И от традиции, и от инновации. А, где происходит *самореализация*? В инновации, но и в традиции тоже. Вряд ли стоит забывать и то, что любая *традиция*, когда-то была *инновацией*, но, далеко не всякая инновация способна превратиться в традицию. Говорят, что инновация убивает любую тра-

дицию. Согласиться с этим никак не могу, ибо сплошь и рядом вижу примеры не «убивания» традиции в качестве последнего «прости», т.е. *точки*, а переосмысление традиции в новых условиях – *многоточии*.

Время раздвигает границы традиции и область ее применения. Достижения науки позволяют заглянуть в ее «внутренности», с целью, как правило, *не убивать*, а лишь «*прооперировать*» ее, еще более обнажив ее потенциальные возможности на новом витке истории человечества. Поэтому, правильнее было бы говорить не о том, что любая инновация *убивает* традицию, а о том, что любая инновация *способна* убить традицию, но до этого, обычно, дело не доходит. Традиция гораздо живучее, чем о ней думают люди. В галактике своего перманентного, инновационного переосмысления – она может быть вечной.

Креативность априорно находится в двойственном, противоречивом пространстве традиции и инновации. Человека вообще «раздирает» двойственность. Мы даже *анатомически* устроены двойственно: две ноги, две руки, два глаза, два уха, два легкого, два полушария мозга и т.д. – всего по двое. Однако и здесь есть свои приоритеты: многие правой рукой

6 Воронин А.А. Креативность человека // Теоретическая культурология. – СПб., 2005. – С. 521.

владеют лучше, чем левой, предпочитают мыслить рационально левым, а не эмоционально правым полушариями мозга, встают с постели делают свой первый шаг с правой ноги, или, наоборот, с левой. Можно обнаружить приоритет и в этих, рассматриваемых здесь двух ипостасях. Для меня в дихотомии «Традиция – Инновация» – приоритет традиции – вполне очевиден. Без инноваций худо-бедно, но прожить можно, без традиции – нет. Да и фильтры культуры значительно более лояльны к традиции, а не к инновации. Это подтверждается массой примеров.

В «Повести временных лет» читаем: «И жил Владимир по заветам отца и деда». Обратим внимание, что христианский летописец пишет это о принявшем православие князе, чьи отец и дед были язычники. И хотя само язычество рисуется исключительно в черных красках, летописец не знает большей похвалы для человека, чем его следование традициям предков и старине. Циклическое, мифологическое время, его традиции и его законы невольно ставятся летописцем выше законов исторического времени с его инновациями, которое, казалось бы, должно было прочно утвердиться в умах людей с принятием христианства.

Однако не стоит утверждать, что время истории всегда приобретает линейный характер, скорее всего, как в индо-буддийской Сансаре – все идет по окружности. Все приходит к тому, с чего и начиналось. История, как известно, начинается с изгнанием человека из рая, а заканчиваться должна его возвращением в рай. Именно с этим, в частности, связано распространение в Средние века веры именно в земной рай, в тысячелетнее царство Христова. Построение «Города солнца» Кампанеллы, коммунизма К.Маркса или «Розы мира» Д. Андреева «арии» из этой же «оперы».

Креативность категория диалектичная, однако, человек традиционно хочет видеть в ней все доброе и хорошее, то, что обязано улучшить комфортность его существования. Ради этого он и общество в целом объективно заинтересованы в становлении креативного пространства, креативной среды своего обитания.

О креативном пространстве и фильтрах культуры

Креативное пространство характеризуется диалектическим единством традиции и инновации, выраженным, главным образом, в процессах

отчуждения и самореализации, развитием человеческой потенции творчества, изобретения, выхода за рамки знания, умения и возможностей. Диалектику перманентной смены традиции на инновацию невозможно осмыслить без понимания смысла *фильтров культуры*, которые представляют собой своеобразный бинарный механизм как *сопротивляемости* и *недопущения* тех или иных инноваций, так и *лояльности, допущения* возможности их функционирования в пространстве конкретной культуры.

В традиционных культурологических исследованиях внимание обычно сосредотачивают на креативных функциях культуры и той части регулятивных, которые имеют конструктивный характер. Но, как справедливо отмечает А.Я. Флиер, – «если отвлечься от этого апологетического взгляда, то обнаруживается, что культура в той же мере полна запретов, табу и иных ограничений свободы человеческой деятельности и мысли и даже репрессивных мер».⁷

То, что общество с помощью культуры не только управляет человеком, но и запрещает ему те или иные

действия и мысли – известно всем. Эта проблема с достаточной полнотой освещена в трудах французских постструктуралистов, прежде всего М. Фуко и Ж. Бодрийяра.⁸ Однако культура не только *репрессирует* наши поступки, призывает, например, «не убий», «не укради», «не прелюбодействуй», но и *допускает*, пропускает через себя их противоположности. До сих пор человек делает и то, и другое и третье... Отсюда возникает необходимость разработки другого концепта – «*фильтров культуры*», интегрального, а посему, более загадочного фантома, нежели репрессия культуры и требует введения этой категории в научный оборот, которая практически не разработана современной культурологией.

Фильтры *традиционной* культуры могут не пропустить инновацию или временно приостановить процесс ее реализации. В свою очередь, фильтры *инновационной* культуры могут отторгнуть креативные ценности традиции. Хотя бы по этой причине фильтры культуры нельзя недооценивать. Эти механизмы весьма эффективны

7 Флиер А.Я. Культура как репрессия // Фундаментальные проблемы культурологии. – СПб., 2008. – Т. 1. – С. 242.

8 Фуко М. Воля к истине. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.; Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб.: А-скад, 1994. – 408 с.; Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: Рудомино, 1995. – 120 с. и др.

в любых ситуациях, начиная от геополитических и вселенских, до самых обыденных и повседневных. По признанию М. Тетчер, Британия «добилась своего признания в странах Азии и Африки не пушками своих корветов», а, главным образом, «трудами своих ученых антропологов», которые предупреждали своих политиков и бизнесменов, что та или иная культура аборигенов пропустить то-то и то-то, а, что-то – нет. Американцы могут подавить сопротивление арабов силой оружия, но навязать им ценности своей «ковбойской» культуры – нет.

Мощный канал креативности – образование («образо-вание»), процесс ваяния образов в головах и сердцах людей. Образование, как и креативность само по себе нейтрально. В нем нет, ригористического призыва обязательно что-то создавать и обязательно что-то преобразовывать. Культура толерантно относится к существованию, как Маниловых, так и Обломовых, людей, несомненно, образованных, но, отнюдь, не деятельных. Вместе с тем, креативными качествами наделен любой человек, даже вовсе необразованный, лишь только потому, что он – **ЧЕЛОВЕК**.

Концептуальный тезис о том, что Человек есть продукт, и часть

Природы принимается большинством людей в качестве аксиомы, правда, до поры до времени, если не учитывать неисчерпаемых креативных способностей Бога. Он самый большой дока в этих вопросах. Жаль, что мы не знаем, откуда он сам взялся, в результате **чьих**, и **каких** креативных действий? Однако мы знаем другое. Бог, в соответствии с библейской легендой, а, позднее, креационистской концепцией Линнея, Кювье и Агасиса, якобы, в течение шести дней создал все вокруг: материки, моря, реки, горы, растительный мир, животных и, наконец, по образу и подобию своему – сотворил человека. По этой версии выходит, что не Природа породила Бога, а он породил ее, а посему, получается, что в отличие от человека Бог не является ни ее продуктом, ни ее частью.

Цицерон в своем трактате «О происхождении богов» повествует о том, что древнегреческий поэт Симонид, будучи спрошен сиракузским тираном Гипероном о том, что такое Бог, после многодневных проволочек ответил так: «Чем больше я размышляю над этим вопросом, тем более темным он мне представляется».⁹ Свое понимание этого «темного» вопроса вы-

9 Цицерон М. О природе богов. Кн. 1. – М.: Наука, 1985. – С. 22.

разил другой поэт и по совместительству – философ В.Л. Рабинович «Кто такой Бог? – задается вопросом он – Идея Бога предполагает идею крыши (не в блатном смысле, а в смысле идеи крыши). Но кто крыша для Бога? У Бога нет крыши, следовательно, он – самый главный и абсолютный атеист, не имея над собой никого».¹⁰

Ответов на вопросы – кто создал Бога, кто креативщик этого акта, в кого Бог лично верит ни в «Ветхом», ни в «Новом» заветах нет, а посему приходится успокаивать себя мыслью о том, что «вера бывает только тогда, когда она на границе с неверием». Одним словом, В.Л. Рабинович прав – «какой-то креативный тупик».

Отбросив мифологемы, вполне очевидным остается факт – Природа – есть важнейшая форма *бытия человека*. Однако, все дело в том, что этой формы – человеку для выживания недостаточно. Уж больно сурова матушка-природа, а человек, вопреки теории эволюции Дарвина, биологически совсем не приспособлен к этим «суровостям» в отличие от животных. Он выжил только благодаря другой форме своего бытия – *Культуре*,

тюре, которую породил не Бог, а человек с помощью, присущего только ему дара – творческого *воображения*, дара *креативности* – способности создавать и преобразовывать мир.

Так, что, вкусив однажды яблочка с Древа Познания, он уже натворил таких дел, что во многом сподобился Богу. Ему осталось только одно – разыскать другое райское Древо – Древо Вечности – и тогда он полностью уподобится Богу. Впрочем, до этого еще далеко, но, кто знает, куда приведет его пытливый креативный разум? Ведь, в сущности предела креативности нет, надежных тормозов в виде фильтров культуры – тоже. А вот вечная жизнь человека, хотя бы гипотетически вполне допустима.

В этом смысле современная культура, особенно выраженная в ее основных формах (наука, образование, искусство, нравы), – это вечный поиск инноваций, создания принципиально новых форм и нового содержания. Эта тяга к прогрессу, к непотворимой новизне и вечному поиску Истины. Однако современным новаторам не следует забывать, что путь к истине с помощью инноваций лежит через реконструкцию прошлого по высоким меркам науки, а не кому-то удобной установки – дается непросто.

10 Этнология – Антропология – Культурология: новые водоразделы и взаимодействия. – М.: Весь мир, 2009. – 159 с.

И пока у нас нет оснований, обольщаться свершившимся в этой сфере изменениям.

Например, если опуститься на грешную землю, то продекларированное стремление к формированию гражданского общества в России – проект, скорее всего, инновационный. Почему же он до сих пор во многих своих направлениях «захлебывается» в фильтрах культуры? Может быть, это происходит потому, что отрицательный опыт, приобретенный гражданами страны в процессе грабительской приватизации и хаотичной демократизации, «...вызвал отторжение демократических идей вообще и идей гражданского общества», в частности? Можно сказать, и так: «Да, власть не хочет создавать себе еще одну угрозу в виде многочисленных и самоуправляемых общественных организаций».¹¹ Точнее, на словах – то она хочет, а на деле – не очень. Однако главная причина сдерживания этой инновации, мне представляется в другом.

Инновационный процесс построения гражданского общества не может не опираться на свой антипод – традицию, на диалектическое

единство с нею. Но, такой традиции в России, просто, нет. Всякие там экивоки на «новгородское вече», «самоорганизующиеся крестьянские общины», редкие «инициативные группы граждан, несогласных с режимом», общества «книголюбов», «трезвости», «охраны природы» и прочих «крестов и полумесяцев» – не в счет, ибо все они осуществляли свою деятельность под бдительным оком государства, точнее КПСС. Гражданское самоуправление в них было всего лишь иллюзией.

В России, по сути дела, нет никаких традиций, понимаемых как негосударственная деятельность в рамках добровольных организаций граждан. Правда, традиции гражданского общества можно завезти извне, что, собственно говоря, и происходило в конце 80-х начале 90-х годов, когда число организаций гражданского общества в России сильно увеличилось. При этом всем было ясно, что данный процесс в значительной степени инициирован усилиями западных организаций. Поэтому закономерно, что в наши дни, государство значительно усилило контроль за деятельностью тех из них, которые финансируются из-за рубежа.

Именно по этим причинам российские ученые по мере продолжения

11 Шмидт Д. Какое гражданское общество существует в России // Pro et contra. – 2006. – № 1(37). – С. 10.

преобразований в стране все чаще и чаще отказываются от понятия «гражданского общества», ибо его традиции еще надо создавать с помощью креативного потенциала нашего народа, но это дело не одного дня. А сегодня можно лишь констатировать, что фильтры культуры России пока не пропускают инновационную идею гражданского общества, да и само «негражданское» общество, явно не торопится его формировать.

Заключение

В заключение хотел бы особо подчеркнуть, что опыт неудач в использовании синергетического сочетания традиций и инноваций, причина, которого, на мой взгляд, лежит в затянувшемся «раздрае» между культурой «верхов» и культурой «низов». Она лежит в промежутке между культурой элитарной и массовой. При этом основная причина такого положения – прогрессирующий паралич верхнего уровня культуры, проблема деградации и творческой импотенции нашей культурной элиты. А с массовой культурой у нас все более или менее в порядке.

Нация получила хороший урок, набив грандиозные «шишки» на про-

шлой зимней Олимпиаде в Ванкувере. Элитные спортсмены, годами проживая за рубежом, полностью перейдя на рыночные «инновационные» рельсы, получая баснословные гонорары, оторвавшись от родной земли и национальных традиций в спорте, провалили Олимпиаду. И, наоборот, пара – олимпийцы, опираясь на наш собственный опыт и традиции – привезли в страну «мешок» олимпийских медалей. О. Шпенглер, когда-то писал о том, что дряхлеющее тело европейской культуры нуждается в инъекциях, которые надо взять на Востоке. «Тело» нашей культуры тоже нуждается в «инъекциях». Прежде всего, нам нужно, не стесняясь, заимствовать креативные достижения науки и техники Запада. Но, при этом, перестать терзать «дряхлеющее тело» его духовной культуры, ибо, безоглядное, псевдо-инновационное холопство перед массовой культурой западного образца, безответственная политика настежь «открытых» перед ней «дверей», утрата аксиологических фильтров отечественной духовной культуры – в своей завершенности есть угроза национальной безопасности страны. Псевдо-инноваторам культурной политики современной России вряд ли стоит забывать вечно живой

и вполне инновационный смысл русской пословицы: «Что посеешь, то и пожнешь»...

Неразборчивость, всеядность в выборе «блюд», приготовленных на «кухне» массовой культуры Запада, опыт российской действительности последних 25-ти лет в целом обнажили неуклонный процесс духовно-нравственной деградации россиян. Попытка навязать духовной Культуре «законный брак» с рыночным Рублем показала свою полную несостоятельность. Но, «инновационной» свадьбы – не будет никогда. Флирт, заурядное сожителство – возможны, сердечные «брачные» отношения – увы, ибо, убежден, что душу большинства россиян не купишь. Этому воспротивится... *традиция!* А пока что наша духовная культура в «обнимку

с рублем» (точнее, с долларом) дрейфует вовсе не в сторону «маяка» под названием «Истина-Добро-Красота и Справедливость», а в противоположном направлении – в сторону «рифов» извращения этих понятий. Пророчески звучат при этом слова неизвестного автора «Слова о полку Игореве»: «Времена наизнанку вывернулись...». Так что мое «послание» нашей культуре скорее негативно-нигилистическое, чем, позитивно-оптимистическое. Не зря же говорят китайцы: «Не дай нам Бог родиться в эпоху великих перемен...». Обнадеживает только одно, что радикальные перемены рано или поздно проходят, а фильтры культуры когда-нибудь все равно освободятся от тромбов забвения традиций и неизбежности инноваций в креативном пространстве будущей России.

Библиография

1. Бадрийяр Ж. Система вещей. – М.: Рудомино, 1995. – 120 с.
2. Борн Н. Атомная физика и человеческое познание. – М.: Издательство иностранной литературы, 1961. – 151 с.
3. Воронин А.А. Креативность человека // Теоретическая культурология. – СПб., 2005. – С. 521.
4. Кургузов В.Л. Культурный потенциал: проблема сущности и понятия // Культурный потенциал Байкальского региона. – Улан-Удэ, 2009.

5. Кочергин А.Н., Рофанов В.П. Проблемы гуманитарного познания: Сборник статей. – Новосибирск: Наука, 1986. – 333 с.
6. Успенский П.Л. Психология возможностей эволюции человека // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. – М.: Политиздат, 1990. – С. 121.
7. Флиер А.Я. Культура как репрессия // Фундаментальные проблемы культурологии. – СПб., 2008. – Т. 1. – С. 242.
8. Фуко М. Воля к истине. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
9. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб.: А-сэд, 1994. – 408 с.
10. Цицерон М. О природе богов. – М.: Наука, 1985. – Кн. 1. – 288 с.
11. Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода / Под ред. И.Т. Фролова. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 176 с.
12. Шмидт Д. Какое гражданское общество существует в России // Pro et contra. – 2006. – № 1(37). – С. 10.
13. Этнология – Антропология – Культурология: новые водоразделы и взаимодействия. – М.: Весь мир, 2009. – 159 с.

**Creative potential of human being and cultural
filters as factors of innovative society development
(theoretical and methodological aspects)**

Kurguzov Vladimir Lukich

Full Doctor of Cultural Studies, PhD (History),
head of cultural and socio-cultural anthropology department,
East Siberia State University of Technology and Management,
P.O. Box 670013, Klyuchevskaya str., No. 40B, Ulan-Ude, Buryatia, Russia;
e-mail: kurguzovvl@rambler.ru

Abstract

The article presents a theoretical analysis of the category of human creative potential and a crucial role of cultural filters in innovative development of modern Russian society.

Global and national analytics offers many terms and concepts that aim to form such an integral vision of human being, which, on the one hand, could be worked out analytically, hence be used strictly enough, and, on the other hand, could be operationalizable. In this regard, the author may characterize the concepts of "human resources" and "human capital", the concepts of "standard of living" and "quality of life". Without casting doubt on their content and productivity, the author notes, to a greater extent, only that they all consider a man as a consumer. It is a good practice to recall the fact that the introduction of the phrase "human factor" in the broad scientific and public circulation during the Gorbachev era, in spite of the large number of studies hereunder, failed to reemerge under the specific scientific concept, and remaining nothing more than a slogan.

Keywords

Human being, culture, tradition, innovation, factor, potential.

References

1. Baudrillard, J. (1995), *The System of Objects* [*Sistema veshchei*], Rudomino, Moscow, 120 p.
2. Born, N. (1961), *Atomic physics and human knowledge* [*Atomnaya fizika i chelovecheskoe poznanie*], Izdatel'stvo inostrannoi literatury, Moscow, 151 p.
3. Cicero, M. (1985), *On the nature of the gods. Book. 1* [*O prirode bogov. Kn. 1*], Nauka, Moscow, 288 p.
4. *Ethnology – Anthropology – Cultural studies: new divides and interactions* [*Etnologiya – Antropologiya – Kul'turologiya: novye vodorazdely i vzaimodeistviya*], Ves' mir, Moscow, 2009, 159 p.
5. Flier, A.Ya. (2008), "Culture as repression", *Fundamental Problems of Cultural Studies. Vol. 1* ["Kul'tura kak repressiya", *Fundamental'nye problemy kul'turologii. T. 1*], St. Peteresburg, p. 242.
6. Foucault, M. (1994), *The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences* [*Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk*], A-cad, St. Peteresburg, 408 p.
7. Foucault, M. (1996), *The Will to Truth* [*Volya k istine*], Kastal', Moscow, 448 p.

8. Frolov, I.T. (1999), *Human potential: the experience of an integrated approach* [*Chelovecheskii potentsial: opyt kompleksnogo podkhoda*], Editorial URSS, Moscow, 176 p.
9. Kochergin, A.N., Rofanov, V.P. (1986), *Problems of human cognition. Collection of articles* [*Problemy gumanitarnogo poznaniya. Sbornik statei*], Nauka, Novosibirsk, 333 p.
10. Kurguzov, V.L. (2009), "Cultural potential: the essence of the problem and concepts", *Cultural potential of the Baikal region* ["Kul'turnyi potentsial: problema sushchnosti i ponyatiya", *Kul'turnyi potentsial Baikal'skogo regiona*], Ulan-Ude.
11. Shmidt, D. (2006), "What civil society exists in Russia" ["Kakoe grazhdanskoe obshchestvo sushchestvuet v Rossii"], *Pro et contra*, No. 1(37), p. 10.
12. Uspenskii, P.L. (1990), "Psychology of human evolution possibilities", *Erring mind? A variety of extrascientific knowledge* ["Psikhologiya vozmozhnostei evolyutsii cheloveka", *Zabluzhdayushchiysya razum? Mnogoobrazie vnauchnogo znaniya*], Politizdat, Moscow, p. 121.
13. Voronin, A.A. (2005), "Human creativity", *Theoretical cultural studies* ["Kreativnost' cheloveka", *Teoreticheskaya kul'turologiya*], St. Petersburg, p. 521.